

Р. Ш. НАСИБУЛЛИН (Ижевск)

**ОТРАЖЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ
НЕСКОШЕННОЙ ПРОШЛОГОДНЕЙ ТРАВЫ
В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ***

Abstract. Reflections of the Designations for Last Year's Uncut Grass in Udmurt Dialects and Written Sources

This article provides a linguo-geographic study of the Udmurt designations for last year's uncut grass which has wintered under the snow. Their distribution across the Udmurt dialects, their etymology and documentation in written sources is considered. In times preceding agriculture and cattle breeding, the ancestors of the Udmurts called this grass *зон*. Under the influence of Iranian-speaking tribes, the local population mastered slash-and-burn agriculture, and later arable farming and domestic animal husbandry. Due to the anthropogenic impact and climate change, mixed forests emerged, as well as arable land free from last year's forest grass. In the zone of mixed forests, which had formed south of the Taiga regions, a new designation for last year's grass appears is the Iranian word *турын / турым* 'green grass; hay', which is accompanied by attributes meaning 'last year's', or 'uncut' (*мимала турын* 'last year's grass', *турнатэк кълэм туръм* 'uncut grass', etc.). During the period of independent development of Udmurt dialects, a third designation appears, *каудан*, a southern Udmurt loan from neighboring Tatar.

Keywords: Udmurt dialects, designations of last year's uncut grass, passive lexicon, written sources.

1. Введение

Лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского государственного университета с ее основания (1992 г.) трудится над двумя фундаментальными проектами, один из которых — «Диалектологический атлас удмуртского языка» (ДАУЯ). Сотрудники лаборатории изучают удмуртские диалекты и языковые контакты. Собранный материал нуждался в системном и всестороннем исследовании и описании, что вылилось в издание шести выпусков ДАУЯ, готовы к печати VII—IX выпуски. ДАУЯ по праву считается одним из ключевых лингвистических изданий, посвященных ареальному исследованию удмуртских диалектов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16.18.02007)

Статья посвящена удмуртским названиям прошлогодней травы, прозимовавшей под снегом в лесу. Наименование объекта отсутствует во многих языках, а если имеется, то относится к пассивному пласту лексики. Оно может употребляться в речи ситуативно, к примеру, если весной после таяния снегов прошлогодняя высохшая трава загорается и начинается лесной пожар.

Редкое употребление названий прошлогодней травы, по-видимому, послужило причиной того, что они не стали объектом исследования методом атласного картографирования. К сожалению, даже имеющийся материал (СопостСл.) не использован в Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков. Подобный пробел обнаруживается и в других лингвистических атласах. Вопросники крупномасштабных лингвистических атласов по языкам европейских народов не содержат материала о названиях прошлогодней травы, в частности, Лингвистический атлас Европы, Общекарпатский диалектологический атлас, Общеславянский лингвистический атлас, Лексический атлас русских народных говоров.

1. Наименования в диалектах

К завершению работы над вопросником ДАУЯ в 2005 году нам были известны два названия нескошенной прошлогодней травы, засохшей на корню и прозимовавшей под снегом: *зон* и *каудан*, которые обусловили сбор материалов и появление данной статьи. Лексические варианты названий прошлогодней травы, собранные в 175 опорных пунктах для ДАУЯ, в корне изменили наше представление не только об ареале распространения этих названий, но и приоткрыли завесу на некоторые изменения среды обитания удмуртов. Карта, составленная на основе полевых материалов, показывает, что, во-первых, *зон* в отдельных опорных пунктах употребляется самостоятельно без атрибутивного слова, но иногда может иметь при себе поясняющее *вуж* 'старый' (*вуж зон* 'старая трава') или *кӧс* 'сухой' (*кӧс зон* 'сухая трава'); во-вторых, *зон* и его варианты с названными атрибутивными словами распространены в говорах северного наречия: в бассейне реки Чепца (в таежной зоне проживания удмуртов), а именно в Ярском, Глазовском, Кезском и Юкаменском районах Удмуртской Республики, а также в Зуевском, Фалёвском и Слободском районах Кировской области; в-третьих, *зон* и *каудан* не создают изоглосс, между ними на обширной территории рассредоточены ранее не известные названия, составляющие атрибутивные словосочетания с *турын* / *турым*, функционирующим в современном удмуртском языке в двух значениях: 'трава (зеленая трава), поедаемая скотом на лугу' и 'сено'. Это слово у северных удмуртов употребляется в форме *турын*, а у южных — *турым*. Выявленные названия прошлогодней травы с *турын* / *турым* состоят из словосочетаний: *арйэм турьн* 'годовалая трава', *мимала турым* 'прошлогодняя трава', *вал'л'а турым* 'позапрошлогодняя трава', *вуж турым* 'старая трава', *турнатэк къл'эм турьм* 'оставшаяся нескошенной трава', *кыл'эм арын турын* 'оставшаяся (с прошлого года) трава', *кӱас'мэм турым* 'высохшая трава'. Перечисленные названия с *турын* в удмуртских письменных источниках и лексикографических работах нами не обнаружены.

2. О происхождении наименований

Слово *турын* заимствовано из индоевропейских языков предками удмуртов и коми — древними пермскими (КЭС 287) — в связи с усвоением животноводства и хлебопашества от ираноязычных племен, пришедших к финно-пермским племенам с юга в бронзовом веке. До появления животноводства и земледелия в жизни пермских племен большое значение имела прошлогодняя засохшая трава из-за возгорания, поскольку пышные травянистые растения на обширных таежных территориях оставались почти нетронутыми как человеком, так и дикими травоядными животными. С зарождением скотоводства и земледелия формируются островки обширных земель, освобожденных от таежных лесов, где раньше зимовала нескошенная огнеопасная трава. В условиях суровой и продолжительной зимы животноводство не могло развиваться без зернового производства: для скота нужна была солома как теплая подстилка, а зерно — для выпечки хлеба и фуража. По мнению специалистов, базовые названия злаков и домашних животных предками удмуртов и коми усвоены от иранцев (ОФУЯ 217—218; Лыткин 1951 : 285—392; 1953 : 48—69). Пашенное земледелие неузнаваемо сократило территории тайги с дикой травой, зимующей на корню. Под антропогенным влиянием таежная зона проживания удмуртов (и других финно-угорских народов Европы) по мере продвижения пашенного земледелия и интенсивного животноводства постепенно уступает позиции смешанным лесам, а еще южнее в Башкирии и Татарстане формируется степная зона. Южные удмурты здесь заимствуют у татар *каудан* и *калдан* для обозначения прозимовавшей под снегом сухой травы.

Таким образом, в стратиграфии названий прошлогодней травы мы видим три пласта: пермский (*зон*), иранский (словосочетания с *турын*) и татарский (*каудан*). Слово *зон* распространено в таежной зоне, *турын* с атрибутивными словами — в зоне смешанных лесов, а *каудан* — там, где начинается лесостепь.

Отвоеванные у тайги пашенные земли и просторные сенокосные луга уже не позволяли распространиться на обширной территории лесным пожарам, возникавшим в перелесках. В зоне смешанных лесов *зон* в сознании удмуртов постепенно теряло актуальность, на первое место выходит иранское *турын*, которое стало употребляться для именования зеленой пастбищной травы и сена. Как отмечено, при необходимости в названии прошлогодней лесной травы к *турын* прибавляли определения типа *мимала* 'прошлогодний' и др. На территории, где формировались смешанные леса, *зон* не исчезло бесследно, кое-где им стали называть луг, образовавшийся на гари, где сгорела прошлогодняя трава.

Одинаковые условия существования древних финно-пермских народов привели к появлению и формированию понятия прошлогодней травы и созданию соответствующего слова для его обозначения. Коми такую траву называют *ызён*, карелы, вепсы и финны — *kulo*. Старое слово, употребляющееся для обозначения прошлогодней травы, многие финно-пермские народы начали использовать для лесного пожара.

Название *зон* состоит из самых звонких согласных, оно, вероятно, обозначало не только прошлогоднюю траву, но и употреблялось как набат: «Пожар! Загорелась прошлогодняя трава! Спасайся от огня!». В архаи-

ческих языческих молитвах удмуртов центральную строку занимает обращение к Инмару (Богу). Ёмкие слова *лек тыллэсь-пулэсь, лек кизилилэсь утбы-ворды* 'Береги и сохрани нас от коварного огня и пожара, от (падения) коварной звезды (= кометы)' помещены на строках 16 и 17 древней языческой молитвы (в молитве 27 строк), зафиксированной Ю. Вихманном (Wichmann 1894 : 3) от носителей глазовского наречия, проживавших в таежной зоне, опасной в связи с возгоранием прошлогодней травы. Иногда информанты сообщали нам, что некоторые удмурты знают заклинание от пожара: *тыллэсь кылзэ тодэ* 'знает язык огня' и умеют тушить огонь без воды, обходя возгорание. Чтобы потушить пожар от удара молнии, на огонь брызгали молоко от черной коровы.

Современный ландшафт на территории удмуртов, как и всей Восточной Европы, сформировался 10,3 тыс. лет назад, на рубеже плейстоцена и голоцена. Климатические изменения привели к распространению смешанных лесов — елово-широколиственных с липой, орешником и березой. Именно тогда (эпоха мезолита) реки Кама, Вятка и Волга и их притоки приняли современный вид (Бутаков 1980 : 27; Голдина 1999 : 52). В период мезолита были заселены побережья не только крупных, но и средних и мелких рек Камско-Вятского междуречья (Голдина 1999 : 54). Первые археологические следы примитивного земледелия — каменные наконечники мотыг, зернотёрки относятся к эпохе энеолита (медно-каменный век, конец III — середина II тыс. до н.э.). Однако по данным языка (финно-пермский период) вырисовывается более яркая картина. О значительном развитии земледелия свидетельствуют слова: вид злака, полба, колос, ячмень. Отдельные термины указывают на способы обработки земли и переработки продуктов земледелия: мотыга, мотыжить, рига, овин, месить, мука, мякина, мучная приправа, решето, сито (ОФУЯ 433—434; Голдина 1999 : 125). Особое развитие земледелия у южных пермян получило под воздействием срубников — индоиранцев, которые культивировали не только подсеčno-огневое, но и плужное земледелие, используя тягловую силу как крупно-рогатого скота, так и лошади, а также специальное приспособление, рыхлящее землю, — рало (Голдина 1999 : 165). Рост пахотных земель в Прикамье привел к сокращению участков, занятых прошлогодней травой.

3. Наименования в письменных источниках

При подготовке статьи в поисках первой и последующих фиксаций названий прошлогодней травы мы просмотрели рукописные и печатные письменные источники, начиная с первого памятника удмуртской письменности (1711 г.). В XVIII—XIX вв. составлены рукописные словари, написаны две грамматики (300—1400 лексических единиц), сделаны переводы евангельских текстов, изданные в Лондоне (Evang.) и Хельсинки (Йывор) Ф. И. Видеманном, в Казани И. С. Михеевым и др. Среди рукописных словарей были и такие, авторы которых не обозначены. Речь идет в первую очередь о русско-удмуртских словарях первой половины XIX века. В целом удмуртские письменные источники дооктябрьского периода составляют более 400 единиц. В создание различных работ по удмуртскому языку с 1711 по 1917 год внесли свою лепту Ф. И. Страленберг, Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Е. Фишер, В. Пуцек-Григоро-

вич, З. Кротов, М. Могилин, епископ Дамаскин, И. С. Михеев, В. Ислентьев, Гр. Верещагин, Г. Прокопьев, И. Яковлев и другие. Перечисленные и прочие авторы выполняли задание Российской Академии наук и Русской Православной церкви. Ранние словари объемом не более 350 слов созданы учеными Российской Академии наук во время экспедиций по восточным территориям России для сбора сведений о природных богатствах и местном населении. Более крупные рукописные словари, грамматики и переводы Евангелий составлены местными русскоязычными церковнослужителями по заданию Русской Православной церкви для коллег, не владеющих языком местного населения. Нужно отметить, что участники академических экспедиций и христианские миссионеры не включили в свои работы названия прошлогодней травы.

В конце XIX века в удмуртской лексикографии ситуация коренным образом меняется: венгр Б. Мункачи, финн Ю. Вихманн, удмурты В. А. Ислентьев, Г. Е. Верещагин, И. С. Михеев, И. В. Яковлев и Д. В. Крылов почти одновременно независимо друг от друга приступили к созданию лексикографических работ нового типа — лингвистических словарей и текстов для школьных учебников, в которых записанные удмуртские слова отражают их удмуртское звучание, их лексический состав нацелен на охват словарного богатства языка. Слово *каудан* услышано и впервые зафиксировано не лингвистом-лексикографом, а православным миссионером и этнографом Б. Гавриловым в 1873—1875 гг. в тексте народной песни удмуртов — носителей диалектов, называемых в современной науке кукморским и балтасинским, распространенных в Татарстане и частично на юге Кировской области. Его книга, содержащая это слово, вышла под названием «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяковъ Казанской и Вятской губерній». В записях Гаврилова *каудан* сплетено с другими словами песенного текста, в котором две первые строки посвящены своеобразному раскрытию значения слова *каудан*. В современной графике строки песни выглядят так: *Турнатэк турым куасьмоз ке, / Каудан шуиськом ми сое. / Йивортэк салам лэзисьёсыз / Пул гажан шуиськом ми сое* 'Если нескошенная трава высыхает (на корню), Мы называем ее кауданом. Посылающую гостинец (девушку) без предварительного известия мы называем любезною' (Произв. 13).

Народная дефиниция, представленная в песне, помогла Б. Мункачи разобраться в названии объекта, в результате он поместил его в словаре, но не указал, что слово является татарским заимствованием (Munkácsi 1896 : 115). Через 12 лет после выхода в свет книги Гаврилова, в 1892 году, одновременно с Б. Мункачи известный удмуртский этнограф Г. Е. Верещагин внес в удмуртский словарь *каудан* 'род луговой травы, воспеваемой вотяками в песнях'. Затем он перенес слово из первого словаря во второй, составленный в 1920 году. При подготовке к изданию этих работ Л. М. Ившин пишет, что перевод Верещагина не совсем точный (см. Верещагин 2006). Редактор прав: *каудан* не является названием конкретной луговой травы. Если бы в тексте, записанном Гавриловым, не оказалось этого слова, его не было бы в словарях Мункачи и Верещагина. Спустя два года, в 1894 году, *каудан* Ю. Вихманн обнаружил и записал у носителей уфимского диалекта — среди закамских удмуртов, в д. Большекачаково бывшей Уфимской гу-

бернии (сейчас деревня находится на территории Калтасинского р-на Республики Башкортостан). Финский ученый к *каудан* сделал помету о том, что это татарское заимствование (Wotj. 94). Словарь Ю. Вихманна (Wotj.) с названным словом увидел свет только в 1987 году в Хельсинки. В сравнительном словаре вотских диалектов И. В. Яковлева (1919) слово отсутствует: автор не знал о существовании *зон*, которое мог бы сравнить с *каудан*, поскольку словарь В. Д. Крылова (1919) с *зон* вышел из печати в один год со словарем Яковлева. Т. Борисов (1932) и составители УРС 1948 в свой словарь *каудан* также не включили. Это слово снова появляется только в 1973 году в приложении к кандидатской работе Р. Ш. Насибуллина (1973 : 81, 85) как *каудан* и *калдан* с дефиницией 'прошлогодняя трава на корню'. Спустя много лет *каудан* снова появляется на страницах лексикографических работ, на этот раз в двух академических словарях со значением 'высохшая на корню трава; сухая прошлогодняя трава' (УРС 1983 : 189; УРС 2008 : 286). Его помещает в своем словаре, изданном в Сомбатхее, И. Козмач (2002 : 72). С. А. Максимов и его коллеги, составившие удмуртско-финский словарь на основе удмуртского словаря 1948 года, слово *каудан* в словарь не включили (см. Maksimov, Danilov, Saarinen 2008).

Слово *зон* впервые обнаружил Г. Е. Верещагин в языке своих земляков — северных удмуртов. Одновременно с *каудан* в 1892 году он включил его в рукописный словарь, который, как уже отмечено, увидел свет только в 2006 году. О существовании *зон* в глазовском наречии стало известно благодаря лексикографическому труду В. Д. Крылова (1919 : 14). Как видим, лексема *зон* впервые зафиксирована представителями северных удмуртов — Верещагиным и Крыловым. В словарях Видеманна, Мункачи и Вихманна слово *зон* отсутствует.

Немалый интерес представляет и фиксация слова *зон* и его дефиниций в удмуртских словарях: у Верещагина *зон* 'сухая прошлогодняя трава' (2006 : 99), у В. Д. Крылова 'засохшая прошлогодняя трава' (1919 : 15), у Т. Борисова 'засохшая прошлогодняя трава' (1932 : 107). Т. Борисов, обычно указывавший диалектную принадлежность слова, не сделал помету о том, что оно бытует у северных удмуртов, хотя и позаимствовал слово у Крылова. Возможно, он хотел поднять данное слово до литературной нормы. Авторы словаря 1948 года дают уже иную трактовку значения: *зон* 'луг, образовавшийся на гари', с пометой, что слово распространено в срединных говорах удмуртского языка (УРС 1948 : 99). После выхода из печати этого словаря авторы последующих лексикографических работ к *зон* стали дописывать значение 'гарь (выгоревшее место в лесу)'. Составители академических словарей удмуртского языка 1983 и 2008 годов приводят уже измененные значения: *зон* 1. 'гарь (выгоревшее или выжженное место в лесу)'; *зон инты* 'гарь', 2. диал. 'луг' (УРС 1983 : 154; УРС 2008 : 230). В этих словарях исчезло значение 'прошлогодняя трава, прозимовавшая на корню'. Авторы удмуртских словарей, изданных в Венгрии и в Финляндии, не смогли освободиться от влияния двух академических словарей: И. Козмач (2002) слову *зон* дает определение 'обгоревшее место, гарь или открытое место в лесу'. Авторы удмуртско-финского словаря (Maksimov, Danilov, Saarinen 2008) статью *зон* оформили так: *зон* 1. 'обгоревшее место в лесу', 2. *вуж зон* или *кӧс зон* 'прошлогодняя трава'. Л. Л. Карпова (2013 : 189) словосочетания *вуж зон*, *кӧс зон* пе-

реводит как 'прошлогодняя нескошенная трава', но первичную форму *зон* не помещает. В. М. Вахрушев (1995 : 93) *зон* приводит в значении 'гарь, пальник' и считает синонимом к *пальник*, *сутскем инты*.

И. В. Тараканов в «Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка» включил *зон*, но четко не определил, к какой группе слов оно относится — устаревших или устаревающих (см. Тараканов 2010 : 17).

4. Заключение

Итак, рассмотрев наименования прошлогодней травы, засохшей на корню, автор выявил, что лексический вариант *зон* представлен в северной диалектной зоне, атрибутивные сочетания с *турын* / *турым* характерны для всех наречий и срединных говоров удмуртского языка, лексема *каудан* отмечается в южной наречии.

Лексема *зон* — наследие общепермского периода и наиболее древнее обозначение прошлогодней травы, засохшей на корню. Наименования с *турын* / *турым* возникли в период самостоятельного развития удмуртского языка. Лексический вариант *каудан* заимствован отдельными группами южных удмуртов из татарского языка.

Анализ письменных источников показал, что названия прошлогодней травы, засохшей на корню, относятся к пассивной лексике. Наиболее раннюю фиксацию (1873—1875 гг.) имеет татарское заимствование *каудан*. Это связано с тем, что первые записи диалектных текстов были сделаны исследователями в основном на территориях проживания южных удмуртов. Древний вариант *зон* впервые фиксируется носителем северного диалекта Г. Верещагиным в 1892 году. Составные наименования со словом *турын* / *турым* в письменных источниках не выявлены.

Рассмотренные наименования прошлогодней травы представляют устаревающий пласт лексики, наши исследования служат гарантом сохранения небольшой, но важной части удмуртского языка.

Address

R. Š. Nasibullin
The Udmurt State University
E-mail: mari_kori@mail.ru

Сокращения

ДАУЯ — Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии, Вып. I—VI, Ижевск 2009—2018; **Йывор** — Милям господьмы Иисус Христослэн дзець йыворез, Матфей гожтем дзець йывор удмурт кылын, Гельсингфорс 1882; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорского языков, Москва 1974; **Произв.** — Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Записаны Борисомъ Гавриловымъ, Казань 1880; **СопостСл.** — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков, Петрозаводск 2007; **УРС 1948** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **УРС 2008** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **Evang.** — Das Evan-

gelium des Mattheus wotjakisch, mit Hilfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann, London 1863; **Wotj.** — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
- Бутаков Г. П. 1980, Геоморфологическое строение долины средней и нижней Вятки и расположение древних поселений. (Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне реки Вятки), Ижевск.
- Вахрушев В. М. 1995, Синонимтёсын удмурт-зуч кылбугор, Ижевск.
- Верещагин Г. Е. 2006, Собрание сочинений. Том 6. Книга 2. Вотско-русский словарь (Удмуртско-русский словарь), Ижевск.
- Голдина Р. Д. 1999, Древняя и средневековая история удмуртского народа, Ижевск.
- Карпова Л. Л. 2013, Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект, Ижевск.
- Козмач И. 2002, Удмурт-венгер кыллюкам, Сомбатхей.
- Крылов В. Д. 1919, Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, Вятка.
- Лыткин В. И. 1951, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Том X. Вып. 4, Москва, 385—392.
- — 1953, Из истории словарного состава пермских языков. — ВЯ, № 5, 48—69.
- Насибуллин Р. Ш. 1973, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Часть II. Приложения, Москва.
- Тараканов И. В. 2010, Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка, Ижевск.
- Яковлев И. В. 1919, Удмурттьёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылтёссэс валэктісь книга, Казань.
- Maksimov, S., Danilov, V., Saarinen, S. 2008, Udmurttlais-suomalainen sanakirja. Удмурт-финн кылсузъет, Turku (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 79).
- Munkácsi B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- Wichmann, Y. 1954, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Turku.

RIF NASIBULLIN (Iževsk)

UDMURDI KULU(HEINA) NIMETUSED MURDEIS JA KIRJALIKES ALLIKAIS

Artikli aluseks on udmurdi murdeatlase väljaandmiseks kogutud keeleandmed. Udmurdi põhjamurretes tähistab kulu permi päritolu зон, lõnamurretes tatari laen каудан ning keskmurdeis ja mujalgi iraani laen турын ~ турым 'rohi, hein' koos kulule viitava täiendiga, näiteks мимала 'mullune', вуж 'vana' jms.

Kirjalikesse allikaisse jõudsid зон ja каудан alles 1892. aastal. Sõna турын või турым abil moodustatud kulu märkivate keelendite kohta enne murdeatlase ilmumist keelealastes töodes andmeid ei leidunud.